

О СЛОВАХ ЛИТОВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. ЛАУЧЮТЕ

В последнее время заметно вырос интерес к проблеме балто-славянских лексических связей и, в частности, к заимствованиям из балтийских языков в славянские. Только в 1969 году появилось несколько новых работ, касающихся балтийских заимствований в белорусском и украинском языках¹. До сих пор подробнее всего балтийские заимствования были исследованы в польском языке. Это и не удивительно, если вспомнить, каких успехов достигла польская лексикография и диалектология². Однако именно в польской лингвистике наиболее остро обнаружилось два подхода к исследуемой проблеме. С одной стороны — все возрастающий интерес к балтийским (конкретно — литовским) заимствованиям в польском языке, с другой — попытки отрицать возможность подобных заимствований или, по крайней мере, стремление свести их количество к минимуму. В то время, когда появлялись работы Я. Карловича и других исследователей³, содержащие перечни слов балтийского происхождения в польском и в иных славянских языках, другой польский языковед А. Брюкнер заявлял: „O niejednym polskim słowie twierdzono, że przeszło do nas z litewskiego lub z ukraińskiego, lecz nigdy nie zapożycza się słów od szczepu stojącego niżej co do kultury i siły...“⁴ Несмотря на то, что А. Брюкнер проделал большую работу в области славянских за-

¹ А. П. Непокупний. До балто-східнослов'янських мовно-етнографічних та етнічних взаємин (Три етюди з географії балтизмів). Мовознавство, 1969, III, стр. 16–28; E. Smiłkowa. Lituanizmy w białoruskim słownictwie rolniczym. - Lingua Posnaniensis, 1969, XIV, стр. 55–69; V. Urbutis. Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai. - Baltistica, Vilnius, 1969, V (1), стр. 43–68; „Лексичніня балтызмы у беларускай мове (Матэрыялы для абмеркавання)“, Мінск, 1969.

² См., например: Н. И. Толстой. Об изучении полесской лексики (предисловие редактора). — Лексика Полесья, М., 1968, стр. 5.

³ J. Karłowicz. O języku litewskim. — Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii umiejętności, t. II, Kraków, 1875, s. 135–376; J. Rozwadowski. O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich. — Rocznik slawistyczny, t. V, Kraków, 1912, s. 1–25 и др.

⁴ A. Brückner. Cywilizacja i język, Warszawa, 1901, s. 9.

имствований в балтийских языках⁵, он во многих своих работах последовательно отрицал существование большинства балтизмов в польском языке. Некоторая предвзятость его суждений заметна и в его „Этимологическом словаре польского языка“. Так, например, А. Брюкнер утверждал, что слова *kulsza*, *szuło*, *więcierz* были заимствованы из польского языка в литовский, при этом никак не аргументируя своего категорического мнения. О словах *dziegieć*, *mandula*, *kurp* А. Брюкнер писал, что они „nie z litewskiego“ (тоже без аргументов)⁶; слова *kousz*, *styrta*, *szurpaty* вообще оставлены без балтийских соответствий, а для большинства балтизмов (*pakuły*, *sklut*, *świren*, *żłukto* и др.) приводимые литовские формы он снабжал кратким и ничего не объясняющим комментарием: „tak samo w lit.“ Всего в своем этимологическом словаре А. Брюкнер отмечает только три балтийских заимствования: *dziakło*, *jantarz*, *kump*.

К сожалению, данная тенденция и подобная аргументация проявлялись и в работах других исследователей. Поэтому особенно ценными являются работы Г. Турской, Я. Отрембского, Т. Зданевича, Ч. Кудзиновского и других польских лингвистов, отметивших немалое количество литуанизмов в разных говорах польского языка⁷. Общее число таких ныне известных заимствований — более 300 слов. Однако этим число польских балтизмов не исчерпывается. Ниже предлагается список польских литуанизмов, которые нами не были обнаружены в работах, посвященных балто-славянским языковым связям⁸.

BILBAS „высокий, неповоротливый человек; растяпа“. — На славянской почве данное слово этимологии не имеет. Семантическая и словообразовательная его модель близка к модели ряда предполагаемых балтизмов, например: *dryblas* „высокий и неповоротливый парень, растяпа“, *drymba* „глупая женщина“, *dyłda* „весьма неуклюжий человек“, *gilbas* „большой, неуклюжий

⁵ A. Brückner. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen, Weimar, 1887.

⁶ Брюкнер SE, см. соответствующие статьи.

⁷ H. Turska. Język polski na Wileńszczyźnie. — Wilno i Ziemia Wileńska, t. 1, Wilno, 1930, s. 219—225; J. Otrębski. Lituaniзмы słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie. — Język Polski, XVI, 1931, s. 79—85; T. Zdanczewicz. Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejń. — Lingua Posnaniensis, VIII, 1960, s. 333—352; T. Zdanczewicz. Litewskie i ruskie zasęgi słownikowe na Białostocczyźnie. — Z polskich studiów slawistycznych, seria 2, Językoznawstwo, Warszawa, 1963, s. 287—298; T. Zdanczewicz. Wpływy litewskie i wschodniosłowiańskie w polskich gwarach pod Sejnami. — Acta Baltico-Slavica, I, 1964, s. 227—246; Cz. Kudzinowski. Jaćwingowie w języku. — Acta Baltico-Slavica, I, 1964, s. 217—225 и др.

⁸ В списке приводятся слова, засвидетельствованные в словарях: J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. I—IV, Kraków, 1900—1911, J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I—VIII, Warszawa, 1900—1925.

подросток“ и др. (об этих словах см. ниже). Все это дает возможность думать и о литовском происхождении слова *bilbas*. Данное слово, скорее всего, возникло в результате контаминации двух литовских слов: *bildà* „растопыря, растепа, разния“ и *dilba* „долговязый, понура, лентяй“. Окончание *-as* в польском языке иногда встречается у существительных с уничижительным оттенком значения, но его происхождение пока еще остается неясным. В данном случае, как и в других словах литовского происхождения, это окончание можно считать и своего рода „гиперлитуанизмом“.

BIMBAS то же, что и *bilbas*. — Лит. *bimba* „негодяй, неповоротливый человек“, ср. лтш. *bimba* „толстый, глупый, неповоротливый человек“.

BIRBINIA „дудка пастуха“, Жемайтия (запад. Литва), Креховецк⁹. — Лит. *birbynė* „свирель, дудочка“, к *birbti* „дуть; играть на дудке; жужжать“.

BRAZGAC „звенеть, бренчать“, Литва. — Лит. *brazgėti, brazdėti* „стучать, звякать, бренчать“, ср. *brūgzti* „звякать, бренчать“ и др.

DAJN, DAJNA „литовская народная песня“. — Лит. *dainà* „песня“.

DIDJA „высокий и худой человек, слабого телосложения“. — Вероятнее всего, здесь имеется связь с лит. *didis, didė* (< **didja*) „великий, большой“. Ср. еще другие формы, подтверждающие наличие сочетания *-dj-*, приведенного в реконструкции: *didžias* диал. „великий, большой“, *didžianosis* „с большим носом“, *didžiaturis* „богач“ и т. д. См. еще *dzidula*.

DRYBLAS „высокий и неповоротливый парень, растяпа; крупный конь“, Литва. — Лит. *driblā* „большой, нечистоплотный (человек)“, *driblā* „размазня, лентяй; неповоротливое существо“, к *dribti* „раскисать, делаться дряблым; падать (клочьями); течь (о слюне); шлепаться, валиться“. Ср. образования от того же корня, но с другими суффиксами: *dribšas* „увалень, развисяй“, *dribkis, dribkūs* „размазня, увалень, неповоротливый человек“.

DRYMBA, DRYMLA „глупая женщина“, Дрогоб. — Лит. *drimba, drimb-la* „увалень, неповорота, лентяй“. Форма *drymla* образовалась, очевидно, из *drimba*, после выпадения *b*, так же, как и *driṁšas* „неповоротливый человек, дылда“ → *driṁšas* то же. Произведены эти слова от глагола *dribti* (настоящее время: *driṁba*) „падать...“ (см. *dryblas*).

DYŁDA „весьма неуклюжий человек“, Литва. Ср. русск. *дылда* „высокий, неповоротливый человек; жердь“, блр. *дылда* „высокий, неповоротливый, дурно сложенный человек“. — Имеющиеся этимологии русского слова на славянской почве малоубедительны. Кроме того, ни один из авторов (Преображенский, 1, 205; Фасмер, 1, 558; Откупщиков, 120) не приводит соответствующих белорусских, польских и литовских слов. Между тем, ареал поль-

⁹ Ареал исследуемых слов указывается по словарю Я. Карловича (J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. I—VI, Kraków, 1900—1911).

ских и белорусских слов (Виленская, Ковенская, Гродненская и Минская губ. — по словарю И. И. Носовича) весьма характерен для заимствований из балтийских языков. Имеются все основания лит. *dilda* „неповоротливый, непроворный человек“, лтш. *dilda* „дылда“ считать исконно балтийскими словами, образованными от того же корня, что и существительное *dilba* (= лтш. *dilba*) „большой, высокий, неуклюжий человек; лентяй; бука“. Чередование суффиксов *-d/-b-*, наблюдаемое в данном случае, встречается и в других балтийских словах, ср. лит. *bimba* „негодяй, неповоротливый человек“ — *binda* „старый, сухопарый, исхудавший человек“, *dimba* „лентяй“ — *dinda* то же и др. В свою очередь, славянские слова, скорее всего, являются заимствованными из балтийских языков, что подтверждается также и их фонетическими особенностями (для балтизмов в славянских языках характерна передача балт. *-i-* через *-y-* в польском и через *-ы-* в русском и белорусском языках, ср. русск. *дырван*, *дырса*; блр. *выпса*, *грыка*, *дырса*, *крыпаць*; польск. *dryblas*, *drymba*, *dyrwan*, *muksztyn* (← лит. *muštinis*) и многие другие.

DWUNIT „сорт полотна“, Литва. — Лит. *dvinỹtis*, *dvinỹtas* „полотно, вытканное с двумя ниченками“, так же, как соответственно *trinỹtis* „полотно, вытканное с тремя ниченками“, *šešianỹtis* „...с шестью ниченками“ и т.д. В польском языке слово подверглось славянизации: *dwu-* вм. **dwi-*, не говоря уже об утере флексии.

DYRDZIC SIĘ „подыхать, умирать“, Литва. — Ср. блр. *дырдзицца* „умирать, вытягивать ноги перед смертью“, русск. (Смоленск.) *дырдыться* „вытягивать ноги перед смертью; теряться“. — Отсутствие ясной этимологии в славянских языках позволяет предполагать заимствование из лит. *dirđintis* „подыхать, дойти до конца“, ср. *dirđinti* „заставлять сдирать шкуру с убитой скотины“, *dirti* „лупить, драть, снимать (кожу, шкуру)“, а также другие слова, генетически связанные с глаголом *daryti*. Окончание польского слова *-ić* вм. лит. *-inti* объясняется особенностями литовского языка, где весьма часто глаголы на *-inti* имеют параллельные формы на *-yti*, например, *áuk-sinti/áuksyti* „золотить“, *gùndinti/gùndyti* „побуждать, соблазнять“, *mokinti/mókyti* „учить“ и многие другие.; см. Скарджюс, 545–547.

DZIDONĖ „высокий и худой человек“, Надрабск. См. *dzidula*.

DZIDULA „высокая и худая женщина, Надрабск. — Это слово, как и предыдущее, семантически и общностью корня соотносимо с лит. *didelis*, *didžiulis* (женск. р.: *didžiulė*) „большой, высокий“ и др. Звукосочетание *dz* вместо литовского литературного *d* является диалектизмом и довольно часто встречается в польских словах балтийского происхождения, например: *dziegieć*← *degūtas*, *dzirbić*← *dirbti* и др. Ср. также топоним Сейнска й области

įidraivis, первый компонент которого восходит к лит. *didis* (Зданцевич, *Wplywi...*, 233).

GIDJA „высокая и неуклюжая женщина“, Августовск.; *gidija* (*gidyja*?) „очень высокий человек или зверь“, Краковск., Вадовск.; *gidyja* „прозвище очень высокой, неуклюжей особы“, Нов. Сонч.; „высокий, большой человек“, Ропч. – В данном слове нетрудно усмотреть семантическую и фонетическую близость к слову *didja*, которое, скорее всего, является литуанизмом. Смещение смычных *d/g*, так же, как и *t/k* перед гласными переднего ряда, довольно широко распространено в диалектах балтийских языков, особенно в тех случаях, когда имеются условия для проявления действия диссимиляции или ассимиляции, ср. лит. *gegūtė/degūtė* „кукушка“, *kitas/titas* „другой“ и т. д. Формы на *-ija*, *-uja* тоже можно объяснить особенностями литовской морфологии. В говорах западных аукштайтов и восточных аукштайтов Вильнюсского края (территориально близких польским диалектам) еще и сейчас употребляются старинные формы прилагательных *ē* основы, например: *didėja*, *didė*, вм. литератур. *didžioji* „большая“, *vyresnėja*, *vyresnėji* вм. *vyresnioji* „старшая“ и др. (Зинкявичюс, 280). Менее вероятной представляется связь с болгарским тюркизмом *gudija* „храбрец, удалец“ (см. Брюкнер SE, 140).

GIEGŪČ „прозвище парня, говорящего по-литовски“, Литва. – Слово, очевидно, литовского происхождения. Возможна связь со словом *gegūtė* „кукушка“. В качестве исходной, видимо, послужила форма мужского рода **gegutis*, которая и могла дать польск. *giegūć*.

GILBAS „большой, неуклюжий подросток“, Подол.; „прозвище неуклюжего и большого человека“, Августовск., Черск. (Куявы). – Имея в виду возможность „чередования“ *d/g* (см. *didja/gidja*), можно предполагать наличие связи с лит. *dilba* „лентяй, балбес“, *dilbšas* „верзила, дылда“.

KNYSAC, **KNESAC** „раскидывать, расшвырять; качать, колебать; кричать (о свинье)“, Любельск., Славковск. – А. Брюкнер данные польские слова связывает с чешск. *knisati* (*se*) „шатать, колебать“. Этим семья родственных слов и ограничивается. Кстати, чешское слово, как отмечают словари чешского языка, является диалектизмом и других родственных слов не имеет. В балтийских языках можно отметить следующие слова: лит. *knisti* „рыть, разрывать (о свинье); пускать ростки“, *knỹsis* „рытьё“, *knysys*, *knyslė* „рыло, пятак (у свиньи)“, *knáisioti* итерат. к *knisti* и др.; лтш. *knist* „прорываться, пускать ростки“, *kniest* „чесаться, щипать“ и др. В этимологическом словаре Э. Френкеля приводятся родственные слова из других индоевропейских языков (LEW, 279), но среди них польские и чешские примеры отсутствуют. Напрашивается вывод, что польские слова (а через польское посредничество – и чешское слово) заимствованы из балтийских языков.

LAPSZUK „старый, червивый гриб“, Литва. — Лит. *lepšiukas* димин. к *lėpšis* „ольховик, подберезовик (гриб)“.

ĽARIENIA, ĽARIENIE „суп из листьев свеклы“, Литва. — Лит. *lapiėnė* „суп из щавеля или листьев свеклы“, к *lāpas* „лист“. С тем же суффиксом образованы и многие другие литовские названия пищи: *bulviėnė* „картофельный суп“ (→ польск. *bulvienia* то же, Зданцевич, 337), *kruopiėnė* „суп из крупы“ (→ блр., русск. *крупеня* то же), *žuviėnė* „уха“ и др.

ĽOPIENIE „конский щавель“, Кашубск., Поморск. — Данное слово, очевидно, возникло по аналогии с польск. *lapienie*. Ср. в семантическом плане еще и лит. *lapiėnė* „суп из щавеля“.

MAJSZA „плетеный мешочек для сена“, Литва. — Лит. *maišas* „мешок“.

MIGĽA „мгла“, Литва. — Фонетическое оформление данного слова указывает на влияние лит. *migĽa* „мгла, туман“. Исконно польской формой является *migła*.

MEDKA „деревянный брусок для оттачивания косы“. — Ср. лит. *mėdis* „дерево“, позволяющее видеть в польском *medka* исходное значение „деревяшка“. Суффикс *-ka*, видимо, славянского происхождения.

OSIĘKLA, OSIUKLA „вид растения“, Литва. — Лит. *asiūkklis* „хвощ“.

PAKURA „сушилка“, Жемайтия (запад. Литва). — Лит. *pākurà* „топка, отверстие печи; место сушки зерна“, к *kūrti* „зажигать“; ср. лтш. *pakuji* „между дров положенные сухие щепки для разжигания огня“.

PASZURA „склад для корма (сена)“, Августовск. — Лит. *pašiūrė, šiūrė* „навес, сарай“, в свою очередь, заимствованное из немецкого языка, ср. *Scheuer* „сарай“.

PIELETRUNA „пахнущее растение, которым приправляют разные кушанья“, Каунас (Литва). — Лит. *peletrūnas* „драгун — трава, ладан земляной, маун“. Данное литовское слово, восходящее в конечном итоге к лат. *Valeriana*, было преобразовано на литовской почве под действием народной этимологии (ср. лит. *pelė* „мышь“, *rūta* „рута“ и др. — см. LEW, 567).

PIERAGAJ „кушанье из булки с творогом“. — Лит. *pyrāgas* (множ. ч.: *pyrāgai*) „пирог“. Польское слово восходит к форме множественного числа соответствующего литовского слова, которое, в свою очередь, является славизмом (ср. польск. *pieńóg, pińóg*, блр., русск. *пирог*; см. LEW, 595).

PLOMPIE „вид обуви из одного куска ольхового дерева“, Августовск. — Данное слово, по-видимому, представляет собой контаминацию двух литовских слов: *klūmpė* (множ. ч.: *klūmpės*) „деревянные башмаки“ (→ польск. *klumpe, klumpi, kłotpie*, русск. *клумба*, блр. *клумб, клумп* „обувь на деревянной подошве или целиком деревянная“) и *pliuńpis* (множ. ч.: *pliuńpiai*) „слишком великая, падающая с ног обувь; слишком просторная одежда“.

POLWY „прибрежные луга и пастбища, летом сухие, а весной заливаемые (у Нарвы, в окрестностях Ломжи)“. — Если сопоставить польск. *polwy* с русск. *половой*, то в польском языке закономерной должна была бы быть форма **plowy*, ср. ст.-сл. ВЛАСТЬ, русск., укр. *волость*, чешск. *vlast* — польск. *włość* и др. Форма *polwy* оказывается фонетически идентичной соответствующим балтийским словам: лит. *palvės* „морозка; ягода, растущая в болотистых лугах“, *pālios* „большие болота; болотистые места, поросшие кустарником“, лтш. *pa'as, pa'i* „болотистый берег моря“ и др. (об этих словах и их связи с лит. *pēlkė* „болото“ см. Буга I, 315; II, 299; LEW, 532—533). Семантика польского и балтийских слов тоже не противоречит предположению о заимствовании польск. *polwy* из литовского языка.

POSIEJE „отруби; высевки от круп, муки“, Литва. — Данное слово, засвидетельствованное также и в белорусских диалектах (*nacei* „шелуха от просеивания муки“, Шатэрнік, 205), своим типом образования напоминает такие литовские слова, как *pākulos* „пакля“ (→польск. *pakule, pakuły*, блр. *пакулле*, русск. *пакля*), *pābiros* „высыпка, рассыпка; выпавший остаток“ и т.д. Источником славянских слов могло явиться лит. *pāsijos* „подсевки, высевки, отруби“, образованное по той же модели. Ср. *kūlti* — *pākulos, be'ri* — *pābiros, sēti* „сеять“ — *pāsijos*.

PRZYWAŻAĆ „привозить“, Литва. — Фонетика данного слова подверглась влиянию лит. (*pri*) *važiuoti* „подъехать, доехать“, (*pri*) *vėžti* „привозить“. Исконно польским является слово *prywozić*. Ср. еще польск. диал. *ważyniac* (*się*), *wazyniac* (*się*) „повозить(ся)“, заимствованное из лит. *važinėti(s)* то же, см. Отрембский LW, 84.

SADZIBA, SADYBA „жилище, местопребывание“. Ср. блр. *садзиба* „усадибище, дом с постройками“, укр. *садиба* „усадыба“. — Ни возведение этих слов к праславянским **sadiba*, **sēdiba* (ЭССЯ, 78), ни предположение авторов варшавского словаря, что польск. *sadyba* заимствована из укр. *садиба*, не объясняет наличия в приведенных словах нехарактерного для славянских языков суффикса *-*ibā* с долгим *-*i*-. Указанные праформы должны были бы закономерно дать **садъба* (ср. русск. *усадьба*) и, соответственно, **сѣдъба*. Общеизвестно, что чуждый славянским языкам суффикс *-*ibā* весьма распространен в балтийских языках (см. Шпехт, 273; Мейе, 285—286; Скарджюс, 90—99). Это обстоятельство, а также ареал славянских слов и наличие в литовском языке слова *sodyba* „крестьянская усадьба, дом; земля вокруг усадьбы; место, где стоял крестьянский дом“ позволяют предполагать заимствование из литовского языка в славянские. Что касается польск. *siedziba* „местопребывание“, то оно могло образоваться уже на польской почве под воздействием народной этимологии, сближавшей слово *sadziba* с гла-

голом *siedzieć* „сидеть“ или *siedzenie* „сиденье“. Во всяком случае, морфологические особенности польск. *siedziba* (как и *sadziba*) исключают первоначальное возникновение данных слов на славянской почве и последовавшее их заимствование в балтийские языки. Лит. *sėdýba* „сиденье“ является таким же исконно балтийским словом, как и другие литовские слова, образованные от корня *sėd-* и имеющие общее значение „сиденье“, но с разными суффиксами и разными, часто — функционального порядка, оттенками значения: *sėdėklė*, *sėdėnė*, *sėdyklė* и др.

SVIRŠNIA „подвижный брус колодезного журавля“, Литва. — Лит. *sviřstė*, *sviřtis*, *sviřtis* „колодезный журавль; рычаг“, к *sviřti* „наклоняться, склоняться“; лтш. *sviřnis* „журавль“, *sviřte*, *sviřa* „рычаг“. Ср. заимствования из того же балтийского корня в других славянских языках: блр. *асвер*, *свир* „колодезный журавль“, русск. (псковск.) *асвер*, *асвера*, *освер* то же.

TRYNICA, TRYNIT „грубое, домотканое полотно“; *trynica*, *trenica* „епанча из грубого полотна, которую надевают поверх сермяги“, Литва. Ср. блр. *триница* (Минск.) „легкая верхняя, вроде рубашки, одежда, надеваемая простолюдинами сверх свитки или шубы в случае непогоды“. — Лит. *trinýtis* „домотканое полотно в три пасмы основы“ (см. еще статью *dwunit*), *trinýčiai* „одежда из грубого, обычно — домотканого, полотна“.

WURSAJOTOS „старейшина; служащий при жертвоприношениях“ (в языческой Латвии). — Лит. *virřaitis* „старшина, войт“, к *virřus* „верх“, лтш. *viršaitis* „начальник“.

ŽABURYNIA „трава на воде“, Литва. — Ср. лит. *žabarýnas*, *žagarýnas* „хворостинник, низкий кустарник“, *žābaras*, *žāgaras* „хворостинка“, мнж. ч.: *žabarai* „щебень, хрящ, дресва“, *žābas* „хворостина“ и т.д.

ŽDAJGI „проказы, проделки“, Литва. — Лит. *iřdāiga* то же.

ŽYLGUCIE „растения (калган?), из которых плетут корзинки; с их помощью также привязывают решетины к стропилам“. Литва. — Изолированность данного слова в польском языке, а также географические данные позволяют предполагать, что оно не славянского, а, скорее всего, балтийского происхождения. Такое предположение может быть подтверждено и другими особенностями этого слова. Во-первых, флексия *-ie* часто встречается в балтизмах, особенно если в польский язык была заимствована форма множественного числа, например: *klumpie* (← *klūmpės*), *kurpie* (← *kūrpės*), *kumpie* (← *kuṁpiai*), *miszkinie* „сорт грибов“ (← *miřkiniai*), *plompie* (← *pliuṁpiai*), *ragucie* „саночки“ (← *rogūtės*) и мн. др. Во-вторых, семантика и большинство фонетических соответствий позволяют связывать польск. *żygucie* с лит. *žilvičiai* „ракита, лоза“. Некоторое затруднение вызывает польское *-gu-*, появившееся вместо литовского сочетания *-vi-*. Однако известно немало случаев, когда заим-

ствующий язык преобразовывает заимствованное слово по аналогии с другими исконными словами, и обнаружить причину таких изменений не всегда удастся, ср. лит. *rėzginės* → блр., русск. *розвины* (в в.м. *z*), лит. *jūjū* → польск. *jownia* (н в.м. *j*), лит. *vėnteris* → русск. диал. *ветиль* и др. Поэтому, хотя пока и трудно объяснить переход лит. *-vi-* в польск. *-gu-*, заимствование из лит. *žilvičiai* представляется наиболее правдоподобным объяснением происхождения польск. *żygućie*.

Выше были перечислены те польские слова, для которых уже сейчас можно привести достаточно веские аргументы в пользу их литовского происхождения. Однако в словарях польского языка встречается небольшое количество слов, славянское происхождение которых вызывает сомнение. Вот некоторые из них: *budykać* „бодать, ударять головой“ (ср. лит. междометия *budikst*, *budikšt*, *budykšt* „об ударе головой, рогами“, *badyti* „бодать“); *drapanos*, *drapinos* „детская игра“, Вильнюсский край (ср. лит. *drāpanos* „одежда“?); *mejnk* „сорт рыбы“ (скорее всего, заимствовано из лит. *mėnkė* „треска“, а не из нем. *Mönch*, как предполагается в варшавском словаре); *plasnąć* „погибнуть, пропасть (о фортуне)“, Литва (ср. лит. *plasnōti*, диал. *plesnōti* „махать крыльями, лететь; быстро бежать“) и др.

Приведенные слова — это лишь небольшая часть тех балтизмов, которые обнаруживаются и будут обнаружены в польском языке в результате дальнейших исследований. Очевидно, еще много нераскрытых балтизмов имеется в тех польских диалектах, которые в настоящее время или в сравнительно недалеком прошлом находились в непосредственном контакте с определенными литовскими диалектами. Так думать позволяют и последние работы Т. Зданцевича, исследующего сейские говоры польского языка. Не говоря уже о большом количестве балтизмов, отмеченных Т. Зданцевичем, его работы еще и косвенным образом представляют материал для изучения балтийских заимствований в польском языке. Так, в статье „*Wpływy litewskie i wschodniosłowiańskie w polskich gwarach pod Sejnam*“¹⁰ в качестве примеров влияния белорусской морфологии приведены некоторые слова явно литовского происхождения. Вот некоторые примеры:

НАКТАЇ „тот, кто шатается по ночам“. — Фонетика корня и семантика данного слова указывают на влияние лит. *naktis* „ночь“. Несмотря на славянский (белорусский) суффикс, корень данного слова не подвергся славянизации (ср. блр. *ноч*, польск. *noc*).

МЕՏՇԱՆ՝ՍՈՒՔ — очевидно, обозначает городского жителя. Однако ни польское *miasto* „город“, ни белорусское *мешчанін* не могли послужить основой для образования польского слова *meścaruk*. Имеются все основания предпо-

¹⁰ „Acta Baltico-Slavica“, I, 1964, стр. 227–246.

лагать, что это слово полностью (включая и суффикс) было заимствовано из лит. *miesčiōniūkas* „ребенок, живущий в городе“. Польское *śc* возникло вследствие ассимиляции, происшедшей в литовском языке: *sč* → *śc*.

ČIPLŪK „дыпленок“. — На литовское происхождение данного слова указывает не только полное соответствие с лит. *supliūkas* „маленькое, пискающее существо, чаще всего — птенчик“, но и мягкость начального *č*.

Возможно, что не все приведенные нами польские слова — бесспорные литуанизмы. Нашей задачей в какой-то мере и является представление материала, который мог бы быть использован в дальнейших исследованиях в области балто-славянских лексических связей.

Сокращения

Литература

- Брюкнер SE — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1957.
Буга — K. Būga. Rinktiniai raštai, t. I—III, Vilnius, 1958—1962.
Зданевич — T. Zdancewicz. Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejn. — *Lingua Posnaniensis*, VIII, 1960, s. 333—352.
Зданевич Wpływy — T. Zdancewicz. Wpływy litewskie i wschodniosłowiańskie w polskich gwarach pod Sejnami. — *Acta Baltico-Slavica*, t. I, 1964, s. 227—246.
Зинкявичюс — Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija, Vilnius, 1966.
LEW — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg — Göttingen, 1955 ff.
Мейе — A. Мейе. Общеславянский язык, М., 1951.
Откупщиков — Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования, Л., 1967.
Отрембский LW — J. Otrębski. Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie. — *Język Polski*, XVI, 1931, стр. 79—85.
Преображенский — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I—II, М., 1959.
Скарджюс — P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba, Vilnius, 1943.
Фасмер — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I—III, Heidelberg, 1953—1957.
Шатэрнік — В. М. Шатэрнік. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.
Шпехт — F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen, 1944.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Проспект, пробные статьи. М., 1963.

Языки

балт. — балтийские
блр. — белорусский
лат. — латинский

польск. — польский
руск. — русский
ст.-сл. — старославянский

лит. — литовский
лтш. — латышский
нем. — немецкий

укр. — украинский
чешск. — чешский

Польские диалекты и говоры

Августовск. — августовский
Вадов. — вадовицкий
Дрогоб. — польские говоры в районе Дрогобыча
(Украина)
Кашубск. — кашубский
Краковск. — краковский
Литва — польские говоры на территории Литвы
конца XIX — начала XX в.

Любельск. — любельский
Надрабск. — говоры так назыв.
Надрабской земли
Нов. Сонч. — говоры районе
Нового Сонча
Подол. — подольский
Поморск. — поморский
Ропч. — ропчицкий
Славковск. — славковский

Ленинградский государственный
университет

Октябрь, 1969

APIE LIETUVIŠKOS KILMĖS ŽODŽIUS LENKŲ KALBOJE

J. LAUČIOTĖ

Reziumė

Baltų — slavų kalbų ryšių tyrinėjimas pastaruoju metu įgauna vis platesnį užmojį. Pasirodė nemaža naujų darbų, skirtų baltiškos kilmės žodžių išaiškinimui baltarusių, ukrainiečių, rusų bei lenkų kalbose. Iki šiol baltizmai nuodugniausiai buvo ištyrinėti lenkų kalboje, kas paaiškinama aukštu lenkų dialektologijos išsivystymo lygiu. Jau šiuo metu paskelbtų baltizmų lenkų kalboje skaičius viršija 300. Straipsnyje pateikiama dar keletas lietuviškos kilmės žodžių, kurie iki šiol, kiek autorei žinoma, nebuvo pažymėti kaip lituanizmai, pvz.: *birbinia, majsza, drymba, lapienia, paszura, wurszajtos* ir t. t. Iš viso pateikiama apie 40 žodžių. Kiek galima spręsti iš paskutiniųjų lenkų dialektologų darbų (pvz., T. Zdancevičiaus), lituanizmų lenkų kalboje sąrašas tikriausiai dar pasipildys, toliau tiriant lenkų dialektus.